

ПРОБЛЕМА ЯЗЫКА И РЕАЛЬНОСТИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ И ФИЛОСОФСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Наталья И. Береснева

Пермский университет, Россия

The problem «language and reality» should be revolved by the new side, namely: whether to be capable human language by a reliable support on ways of ascension from individual to general, from the infinite world of concrete things to knowledge of the world as whole: to be not a barrier, but instrument of knowledge of infinity, its primary factor. In essence, the scientists should theoretically prove that language in practice, actually already makes, as it is a condition of existence of all sciences, in particular – philosophical discussions about infinity of the world – it is necessary to show, that before theoretical discussions about infinity, language already deduces the man to infinity by the it's forms.

Идея Гумбольдта о языке как мире, лежащем между миром внешних явлений и внутренним миром человека, стала предметом внимания не только языковедов, но и философов. В западных течениях философии языка и лингвистики происходит искажение действительных отношений языка с объективной и субъективной реальностью.

Так, для большинства лингвистических структуралистских течений (Соссюр, Ельмслев) была свойственна сепаратизация и герметизация языка. Это позволило разработать более или менее строгую систему понятий и исследовательских приемов, но привело, однако, к тенденции лингвистического имманентизма. В последней преобладала явная недооценка функциональной сущности языка, что приводило к разрыву его естественных связей с объективной и субъективной реальностью.

Поскольку попытка структуралистов вскрыть сущность языка, взятого «в себе и для себя», оказалась неудачной, ученые изменяют исследовательские установки в направлении «восстановления» разорванных связей. Однако этот процесс имеет незавершенный характер, прежде всего из-за отсутствия единых, осознанных установок на необходимость такого восстановления. «Суеверная боязнь имманентизма» оказалась недостаточной, чтобы преодолеть «боязнь трансцендентности» (Серебренников 1983: 52-53).

В постструктуралистской практике декомпозиции текста (Барт, Деррида) идет не только разрушение текста (языка), но и разрушение сознания как отражения объективного мира.

Для течений неогумбольдтианства (Вайсгербер, Уорф) в лингвистике и аналитической философии (Витгенштейн, Карнап, Рассел, Фреге) свойственны представления о языке как феномене, который определяет мышление, влияет на результаты познания человеком мира. В своих крайних выражениях язык предстает единственной реальностью (в отличие от десубстанциализационных установок структуралистов, в которых реальность языка подвергается сомнению), данной человеку своеобразным демиургом, навязывающим ту или иную картину мира.

Для экзистенциализма Хайдеггера характерна мистификация языка как мудрого хранителя ключевых человеческих экзистенций. Это не позволяет обратиться к языку как к универсальному средству, условию, фактору адекватного отражения объективного мира (т.е. не позволяет обратиться к самому бесконечному миру вне конечности «языкового дома») и тем самым показать его действительную (а не мистическую) силу и способность. Это касается философской герменевтики (Гадамер) и феноменологии Гуссерля, выносившего мир «за скобки», чтобы последовательно выделить сознание как чистую субъективность в качестве единственного объекта анализа.

В отечественных исследованиях языка, опиравшихся на принципы диалектического материализма, идет поиск аргументов, подтверждающих, что язык не является преградой на пути к реальности, и опровержение аргументов сторонников «лингвистического» агностицизма. Исследователями осуществлялся критический пересмотр проблем, поставленных в западных учениях, (учение В. фон Гумбольдта – В.И. Поставалова, Г.В. Рамишвили; неогумбольдтианство – С.А. Васильев; неопозитивизм – Г.А. Брутян, А.Ф. Грязнов, М.С. Козлова, структурализм – М.Н. Грецкий, И.П. Ильин, Г.К. Косиков и др.). Содержательный пафос этих трудов направляется главным образом на «возвращение» языка к реальности объективной и субъективной, «восстановление» его действительных естественных связей, на развенчание представлений о языке как некоей мистической силе, навязывающей человеку картину мира.

Исследователи отмечают, что человеческое познание не пассивно, не зеркально, оно субъективно (это познание человеческое). Признавая разнообразие сегментации мира в разных языках, ученые доказывают, что это исходит не от активности языка, а является результатом конкретно-исторического опыта освоения мира разными народами.

Этот опыт запечатлевается во всем строе языка, в его грамматических и лексических формах. И в этом своем состоянии язык выступает в качестве своеобразной «преднауки», систематизирующей мир, и определенным образом влияет на восприятие мира и на дальнейший ход познания. Однако первичной является схематика и система самого мира, которые и отражаются мышлением («языко-мышлением». – Г.В. Колшанский) в процессе предметно-практической деятельности людей.

Отечественные исследователи (С.А. Васильев, Г.В. Колшанский, В.З. Панфилов и др.) настаивают на общечеловеческом характере мышления, на наличии общего для всех людей логического строя, который отражает логику мира. В этой связи язык является вторичным по отношению к мышлению, которое отражает мир.

«Борьба за реальность» в отечественной науке о языке опиралась на мощные национальные научные традиции, отличавшиеся стремлением сблизить язык как с объективной реальностью, так и с мышлением (В.В. Виноградов, В.М. Жирмунский, И.И. Мещанинов, А.А. Потебня, Ф.П. Филин, А.А. Шахматов, Л.В. Щерба, Л.П. Якубинский и др.). Поэтому для русской и, позже, советской лингвистики (в отличие, например, от американской) был свойствен повышенный интерес к семантике языка.

В истолковании природы языка можно выделить два основных и, в известной степени, противоположных подхода. Для первого язык – это прежде всего система знаков.

Семиотический подход к языку значительно расширил угол зрения и поле исследований. Идея редукции языка к знаку нашла «неожиданные» аргументы «за» в исследовании Б.Ф. Поршнева, который определял семиотику в строгом смысле только как науку о человеческих знаках, а появление человека как *homo sapiens* (с его способностью к целенаправленной трудовой деятельности) связывал с этим аспектом языка. Поэтому в известном смысле можно сказать, что язык создал человека (Поршнева 1978). Эта идея не отменяет, а углубляет формулу Энгельса о роли труда в происхождении человека, поскольку целенаправленная трудовая деятельность возможна только при условии языка. По существу, это первая, если не единственная, попытка обоснования идеи языка как сущностной силы человека.

Тем не менее, в отечественных исследованиях доминирует другой подход, опирающийся на известные положения классиков диалектики о том, что язык есть практическое, действительное сознание. На первый план при таком подходе выдвигается проблема языка и мышления, языка и общества; в такой трактовке происходит возвращение к

реальности через соединение (но не отождествление) языка и мышления (язык не был бы практическим действительным сознанием, если бы он был отлучен от семантики, отражения, т.е. от реальности. – Р.А. Будагов).

В осмыслении проблемы «Язык и реальность» возможны два «движения»: от языка к реальности (влияние языка на восприятие и осознание действительности) и от реальности к языку. Первое осуществляется в современной отечественной психолингвистике (особо актуально исследование влияния особенностей ассоциирования на восприятие мира и др.).

Во втором (от реальности к языку) – следует подчеркнуть две особенности. Реальность, во-первых, берется, как правило, в суженном значении – не глобально, не как мир в целом в его сущностных свойствах, а преимущественно как общественно-историческая реальность и ее отражение в языке. Во-вторых, отражение реальности предстает не непосредственно, а через мышление, через осознание процессов, происходящих в обществе.

Научной философией высказывается мысль о сложности процесса познания. Эту мысль подтверждает известный факт активности языка, проявляющийся в его влиянии на процесс познания. Поэтому стремление «выпрямить», упростить (исключив языковой фактор) этот процесс оказывается на руку критикам теории отражения. Такими упрощениями оказываются некоторые «буквальные» трактовки высказывания Маркса о языке как действительном сознании в ряде философских работ, посвященных человеку, сознанию. Мышление, сознание, познание – бесплотны, и только их соединение с «материей языка» придает им «реальность» (Н.И. Жуков, П.В. Копнин, А.Г. Спиркин, Е.В. Шорохова). То есть получается, что мысль вначале возникает, а затем уже облекается в языковую форму, язык трактуется как сугубо материальный феномен.

Упрощенный, вернее, односторонний подход к связи языка и мышления, просматриваемый в вышеназванных теоретических конструкциях, на наш взгляд, делает невозможным адекватное решение вопроса о способности языка выражать результаты познания реальности. Подобные представления, во-первых, нарушают прочную традицию, берущую начало еще в античной философии, о единстве языка, мысли и реальности: язык устроен так же, как мысль, которая, в свою очередь, устроена так же, как бытие (и потому изучение структуры языка позволяло вскрывать структуру мысли и бытия). Во-вторых, противоречат научным фактам, свидетельствующим о более глубокой и сложной взаимосвязи, изначальной сцепленности языка и

мышления (и генетически, и функционально). В-третьих, дают повод для резкой критики теории отражения, не отягощенной фактором языка, как наивной. В-четвертых, свидетельствуют о недостаточном внимании философии к современным достижениям конкретных наук о языке (в частности, отечественных).

Между тем в последние годы в лингвистических исследованиях происходит смена научной парадигмы. Крепнет союз психологии и лингвистики, соединяющий язык с психикой и человека с языком, формируется когнитивистика, окончательно сместившая исследования к субъекту как активному началу речевой и когнитивной деятельности. Высказывается идея о том, что соединение мысли и слова начинается задолго до порождения речи: при восприятии и практическом освоении предметного мира, его отдельных сторон и фрагментов (Звегинцев 1982). Дискретизация, интерпретация и объективация знаний происходят в процессе восприятия (на базе языка) и влияют на процесс порождения речи. Остается ответить на вопрос о том, как соотносятся названные выше процессы (дискретизация, интерпретация и объективация знаний) с устройством и структурой объективного мира, с процессом его освоения в предметно-практической деятельности.

Для этого недостаточно простого расширения поля исследования, как это делается в семиотике, которая подводит под язык знаковую мир (Атаян 1987). Необходимо движение со стороны философии, поскольку этот синтез может быть только философским.

Однако «борьба» за реальность в отечественной философии языка затянулась, отодвигая процесс осуществления такого философского синтеза. Она вынуждала приводить все новые аргументы в пользу того, что язык не является преградой на пути к реальности.

Но представления о реальности меняются, открываются новые стороны и формы мира. Продвижение науки сделало актуальной в XX–XXI вв. проблему, поднятую Кантом, – способен ли человек, обладающий всегда ограниченным опытом, не только адекватно отражать отдельные стороны и фрагменты мира, но и познать сущность бесконечного мира как целого. Это, по сути, одна из центральных в философии XX–XXI вв. проблем, которая получила наиболее отчетливое выражение в дискуссии по поводу конечности / бесконечности мира и возможности его познания, развернувшейся в 1960–1980-х гг. Ряд философов (Л.Б. Баженов, Э. Кольман, Г.И. Наан, Э.М. Чудинов) приходят к выводу о том, что философия – это система *постулатов* или *гипотез*, которые экстраполируются на бесконечный мир, но никогда не могут быть

доказаны или опровергнуты, поскольку мир бесконечен, а опыт человека всегда ограничен, конечен и относится к ограниченной части мира. Этот вывод вновь возвращает философскую науку к кантовскому пессимизму в отношении возможностей человеческого познания. Из положения о постулативности философских категорий необходимым образом следует более сильный вывод, чем тот, который был сделан названными философами: о том, что все философские заключения о мире являются заведомо *ложными*, так как бесконечное всегда бесконечно сложнее конечного.

Логика подобных рассуждений приводит к отрицанию возможности мировоззрения как системы наиболее общих взглядов на мир в целом и место человека в нем. Невозможность мировоззрения делает человека уязвимым, слабым, дезориентированным перед лицом бесконечного мира. Признание непознаваемости бесконечного (мира) влечет за собой признание непознаваемости и конечного (части мира), поскольку познание частного невозможно без познания общего – а это есть разрушение частных наук.

Кроме того, в этом контексте человек предстает случайным по отношению к миру, чуждым ему, неспособным к его освоению и усвоению.

В дискуссии о бесконечности мира и его познании проблемы языка не затрагиваются напрямую, хотя все суждения и выводы о мире, его познаваемости, конечности или бесконечности делаются на естественном языке, так что это еще и спор о словах, о терминах. Язык, таким образом, изначально вплетен в теоретическую деятельность, является ее условием. Выводы, сделанные о постулативности философских категорий, помимо прочего, представляют радикальную ревизию принципиальных положений о языке, его сущности, его роли для человека и общества, наносят «удар» по статусу языка как действительного сознания. Идея постулативности предельных философских категорий и принципов превращает язык в послушное орудие формирования пустых и поверхностных обобщений, в громаду лесов вокруг здания (название которому «*сущность мира*»), которое никогда не будет построено. То есть язык как действительное сознание (=вторичный мир) не является действенным орудием и средством осознания (отражения) действительности (=первичного мира). Действительность, не представленная в языке, делает сознание недействительным.

Существование слова, языка прямым образом связано с его способностью к обобщению (невозможен язык, который имеет дело только с бесконечностью конкретных и единичных явлений, т.е. язык,

который идет «по касательной» к реальности, не обращаясь к ее сущности). Поэтому сомнения в объективно-реальном существовании всеобщего и в идее языка как его носителя обрушивают не только здание философии как науки о всеобщем в мире и его познании и частных наук (знание общего), но и реальность самого языка.

В связи с вышесказанным проблема «язык и реальность» должна быть повернута новой стороной: способен ли человеческий язык быть надежной опорой на пути восхождения от единичного ко всеобщему, от бесконечного мира конкретных предметов, вещей к познанию мира как целого, т.е. на пути к познанию бесконечности. По существу, ученые должны теоретически обосновать то, что язык фактически уже делает, поскольку является условием существования всех наук, еще до теоретического дискурса о бесконечности своими формами *уже выводит человека на бесконечность*. Этот шаг до сих пор исследователи языка не сделали.

В философии же споры о возможностях интеллекта схватить сущность бесконечного мира оставляют в стороне сам язык, на котором они и ведутся. Более того, даже в обобщающих работах о сущности человека, сознания нет упоминания языка и других знаковых систем как важнейшей (сущностной) характеристики человека (Портнов 1994: 10). Однако положительное решение фундаментального философского вопроса о том, *как возможно познание бесконечного мира конечным человеком*, имплицитно включает и решение вопроса о роли и месте «конечного» языка в этом процессе, раскрытие его универсальных возможностей. Поэтому необходимы постановка проблемы конечности / бесконечности применительно к языку, аналогично тому, как она поставлена в научной философии, и поиск путей ее решения.

До сих пор общепринятые определения характеризуют язык как систему знаков – указывают преимущественно на его инструментальный характер как средства для обозначения вещи или готового понятия. Инструментально-номенклатурный подход к языку как к сложной иерархической структуре означающих дает возможность увидеть его уникальные возможности по сравнению с другими знаковыми системами. Язык как система знаков отличается чрезвычайно сложной структурой. Уровневая модель представляет языковую систему в виде классов однородных элементов. Единицы каждого вышележащего уровня включают единицы нижележащего. Именно многоярусность языковой системы обеспечивает возможность выражения разнообразного мыслительного содержания: «Все более широкие окружения захватывают все более длинные

последовательности морфов: от одного морфа к сочетанию морфов, образующему слово, затем к сочетанию слов – синтагме, далее – к высказыванию, еще далее – к последовательности высказываний, образующей целое словесное произведение, наконец – к совокупности словесных произведений, составляющей «корпус» всего высказанного и написанного на данном языке. По мере расширения отрезков текста увеличивается и их набор: несколько десятков фонем, несколько сотен морфов, десятки тысяч слов, практически *бесконечное* количество сочетаний предложений в виде словесных произведений. Естественно, что где-то в разумных пределах этого *бесконечного* (курсив мой. – Н.Б.) ряда исследователю надо остановиться» (Степанов 2002: 92).

Следует отметить в этой связи, что лингвисты пользуются (не обращаясь к его дефиниции) понятием множества. Уровневые схемы вызывают аналогию с бесконечным счетным рядом, «дурной» бесконечностью, односторонность, недостаточность, даже ограниченность которой была доказана еще Гегелем. Это бесконечность возможностей языка как количественная бесконечность перебора правильных форм. По существу, именно такая неисчерпаемость и интерпретируется как бесконечность. В сравнении с потенциальной количественной бесконечностью язык обладает ограниченной, это все-таки счетное множество.

Проблема конечного человека и бесконечного мира еще более заостряется, если объективный мир представляется экстенсивно – как бесконечное многообразие предметов и явлений. Даже если бы человек и смог использовать так понимаемые неисчерпаемые возможности языка, то и в этом случае он не смог бы схватить экстенсивную бесконечность мира, намного превосходящую мощностность языка. Но истинная бесконечность мира не является экстенсивной, она «выступает в трех основных аспектах: как бесконечность качественного и количественного многообразия материи, бесконечность пространства и времени, бесконечность развития материи» (Орлов 1974: 58). Такая бесконечность мира тем более оказывается на много порядков выше, чем бесконечность языка, представленная в уровневой модели, и не может быть «схвачена» языком. Как бы ни были уникальны его возможности, язык все равно остается конечным и не может «угнаться» за количественной и качественной бесконечностью мира.

Для решения проблемы бесконечности возможностей языка необходимо обратиться к другой парадигме в исследованиях языка и ослабить противоположность бесконечного континуального мира и конечного дискретного языка. Это можно сделать, восстановив

единство дискретного языка и дискретно-континуального мышления. То есть язык выходит на реальность не непосредственно, как это было в знаковых конструкциях, например, аналитиков (Б. Рассела), а опосредованно – через семантически переработанные единицы, мышление. Связующим язык и мышление элементом является значение. Слово, в отличие от знака, является двусторонней единицей. А.Ф. Лосев рассматривает проблему бесконечной смысловой валентности языкового знака: «Всякий языковой знак есть акт человеческого мышления... Но мышление есть отражение действительности, а действительность бесконечна. Следовательно, и человеческое мышление тоже никогда не останавливается...» (Лосев 1982: 118). Язык, в котором отражается реальность, идет, повторяя процесс мышления.

Тайна взаимодействия языка (речи) и мышления есть тайна взаимосвязи переходов материального в идеальное и обратно, которая совершается в человеческом мозгу в процессах восприятия и производства речи. Ключевой для характеристики этого процесса является предложенная Л.С. Выготским формула: «Мысль не выражается, а совершается в слове» («можно было бы поэтому говорить о становлении (единстве бытия и небытия) мысли в слове») (Выготский 1982: 305). Идеи Выготского об особых пространствах мысли и речи и необходимости фаз и трансформаций при переходе от мысли к речи получили свое развитие во введении в научный оборот новых когнитивистских категорий – концептосфера, семантическое пространство языка, концепт, концептуализация и др. (Кубрякова 1997).

В определенной мере понятие концепта ассимилировало, уточнило, конкретизировало и развило понятие смысла, предложенного Выготским (человек оперирует некоторыми личностными смыслами, личными концептами, которые выступают своеобразными кирпичиками в мыслительном процессе, из них складываются комплексные картины, в которых осуществляются предикации). Различение двух пространств – семантического и когнитивного – с одной стороны, преодолевает возможные формы языкового агностицизма и релятивизма. Однако, с другой стороны, при заострении их противоположности появляется возможность вывода о существовании мышления, не отягощенного материей. Появляется парадоксальное заключение – для мышления язык не нужен: «Мышление как таковое ... есть функционирование УПК» (Горелов 1987: 135); «Единицами универсального предметного кода являются наглядные образы, формирующиеся в сознании человека в

процессе восприятия им окружающей действительности. При помощи этих образов и осуществляется мышление человека» (Стернин 2003: 16).

Несколько десятилетий назад споры «вербалистов» и «авербалистов» были достаточно остры. Проблема до сих пор не получила однозначного решения, хотя симпатии к «авербальной» точке зрения в последнее время, по-видимому, преобладают (см.: Кривоносов 1990; Легостаева 1990; Стернин 2003).

Действительно, онтологически мышление и язык – не одно и то же. Но, подходя к проблеме более масштабно, следует признать, что и появление, и существование собственно человеческого мышления детерминировано языком. Иначе непонятно, какая же сила образует концепты, как смогла быть сформирована концептосфера в онтогенезе, да и в филогенезе, если язык тут не при чем.

В этой связи известный философ и логик Л. Тондл высказал гипотезу о существовании различных уровней рациональности человеческой психики: «...то, что мы называем рациональным сознанием, есть в сущности наивысший уровень человеческой психики, для которого имеется существенная возможность адекватного выражения языковыми средствами» (Тондл 1975: 43). Правда, далее он сам себе противоречит, говоря о том, что речь здесь не может идти об определенной иерархии, в которой низшие элементы психики подчиняются высшим. С другой стороны, он прав, когда говорит, что в определенных ситуациях оказывается, что решающими становятся некоторые из низших уровней.

Согласно философской концепции единого закономерного мирового процесса (Орлов 1974 и др.), описывающей «взаимоотношения» в мире высшего и низшего, высшая форма возникает из низшей, включая в себя ее часть. Включенное низшее сохраняет свою природу, но достраивается высшим, достигая в его составе более высокого уровня развития. В контексте этой теории проблема взаимоотношений языка и мышления может получить логичное разрешение: неязыковые формы мышления, генетически более ранние, преобразуются и достраиваются после появления абстрактного (рационального) мышления, связанного с языком. И «неязыковые» формы мышления человека отнюдь не такие, как формы мышления досоциальные.

Высшая форма материи, включающая в себя низшую форму, создает условия, в которых включенные в нее структуры и процессы низшего уровня достигают такого уровня развития, которого они не могут достигнуть «в свободном виде», вне включения. Можно сказать,

что высшее активизирует включенное в него низшее на много порядков. Это происходит потому, что высшая форма материи может развиваться только на основе усложняющегося низшего, включенного в ее состав.

Рассматривая процессы перехода мысли в речь, Выготский был более диалектичен, говоря о значении как единице мышления и речи одновременно, видя в нем «мост» между тем и другим.

Особое внимание в работах по когнитологии уделяется категориальной организации в познавательной деятельности и формированию высокоуровневых структур для представления прошлого опыта (Герасимов 2001: 57). Значимость этой области исследований объясняется тем обстоятельством, что язык не позволяет ничего сообщить иначе как в терминах рода или категории. Значением слова, пишет А.Р. Лурия, называется способность «...анализировать предмет, выделять в нем существенные свойства и относить его к определенным категориям» (Лурия 1972: 22). Таким образом, значение слова имеет две основные функции: выделение существенного признака предмета и отнесение предмета к определенной категории, то есть функции абстракции и обобщения.

По гипотезе Э. Рош, особенности категориальной организации не произвольны и объясняются действием универсальных психологических принципов, среди которых главные – принцип «когнитивной экономии» и принцип «воспринимаемой структуры мира» (Rosch 1978). Согласно первому принципу – задача категориальных систем есть обеспечение максимума информации ценой минимальных когнитивных затрат. Согласно второму – окружающий мир не может рассматриваться как бесструктурная совокупность равновероятных встречающихся признаков. Представленные в нем материальные объекты отличаются закономерно организованной структурой, встречаемость структурных элементов не является случайной. В связи с этим максимум информации с наименьшими когнитивными затратами будет обеспечен категориальной системой, наиболее точно отображающей структуру воспринимаемого мира. Таким образом, наблюдается когерентность этих двух принципов.

Здесь намечается выход в философскую онтологию. Действительно, условие возможности познать (схватить) бесконечность кроется не только в устройстве когнитивных структур, в том числе языковых, но и в «устройстве» самого бесконечного мира, которое в разных формах и отражает эти когнитивные структуры. Язык, выступая в единстве с мышлением, является вторичным по

отношению к нему. В свою очередь языко-мышление отражает окружающий бесконечный мир. Само «устройство» языка и мышления определенным образом отражает «устройство» бесконечного мира. Поэтому естественным и логичным следует вопрос об универсальных возможностях языка связывать с устройством бесконечного мира.

В этой связи целесообразно обратиться к концепции развития материального мира, представленной в современной философской теории единого закономерного мирового процесса (В.В. Орлов и его школа). Эта концепция делает принципиальный вывод об отсутствии в человеческой природе, в его сущностных силах ограничений, которые были бы препятствием теоретическому усвоению и практическому освоению бесконечности. Этот вывод с необходимостью касается и языка, поскольку язык, как мы считаем, является одной из главных сущностных сил человека.

Материя есть становление форм, из которых в настоящее время известны физическая, химическая, биологическая, социальная. Высшая форма материи, возникая на основе низшей, включает в себя низшее и сохраняет его «в измененном виде в качестве своего фундамента или основы» (Орлов 1974: 138), т.е. сущность высшей формы материи аккумулирует сущность всех низших, несет их в себе в обобщенном, интегрированном, уплотненном виде. Социальная форма материи – человек – как завершающая стадия развития форм, являясь конечным существом, за счет аккумуляирования в себе всего предшествующего ряда форм материи несет в себе бесконечность, и человек принципиально способен к познанию бесконечной реальности.

Таким образом, обнаружен методологический принцип, позволяющий признать, что проблема познания бесконечной реальности и выражения его результатов в языковых формах разрешима. Поскольку, будучи высшей формой развития материи, аккумуляирующей бесконечный ряд нижележащих форм, человек находится в универсальном отношении к миру, то и язык как действительное сознание, генетически и функционально связанный, сцепленный с ним, также *изначально* находится в *универсальном отношении к миру* и способен к *бесконечному* его отражению. В природе человека нет никаких пороков, не позволяющих иметь (и выражать) истинное суждение о мире.

Язык как сущностная сила человека оказывается соразмерным бесконечному миру и потому способным в тесном единстве языко-мышления адекватно отражать бесконечный мир и схватывать его сущностные свойства.

Таким образом, вывод об отсутствии в человеческой природе, в его сущностных силах, ограничений, препятствующих освоению бесконечности, в полной мере относится и к языку.

Язык – это действительное сознание. Концепции же языка, не учитывающие этого статуса языка, его связей, тесного органического единства с мышлением (сознанием), либо абстрагирующие его от мышления, то есть, по сути, метафизически разрывающие действительные связи, либо отождествляющие, растворяющие без остатка мышление в языке, рассматривающие язык-*Ergon*, представляют его как замкнутую, статичную, неразвивающуюся систему, часто выступающую не как универсальное средство, а как преграда, барьер, препятствие на пути познания бесконечной действительности. Примеров такого «бегства от действительности» много: от неогумбольдтианцев и логических позитивистов до постструктуралистов с их представлением о мире как «бесконечном тексте».

Библиографический список

- Rosch E.* Principles of categorization / E Rosch // Cognition and categorization. N.Y., 1978.
- Атаян Э.Р.* Язык и внеязыковая действительность / Э.Р. Атаян. Ереван, 1987.
- Выготский Л.С.* Мышление и речь / Л.С. Выготский // Собр. соч.: в 6 т. М., 1982. Т. 2.
- Герасимов В.И.* К становлению «когнитивной грамматики» / В.И. Герасимов // Когнитивные исследования в языковедении и зарубежной психологии. Барнаул, 2001.
- Горелов И.Н.* Вопросы теории речевой деятельности / И.Н. Горелов. Таллин, 1987.
- Звегинцев В.А.* Язык и знание / В.А. Звегинцев // Вопросы философии. 1982. № 1.
- Кривоносов А.Т.* К проблеме авербального мышления / А.Т. Кривоносов // Философские науки. 1990. № 2. С. 40-43.
- Кубрякова Е.С.* Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. М., 1997.
- Легостаева О.В.* О взаимосвязи языка и мышления / О.В. Легостаева // Философские науки. 1990. № 2. С. 37-40.
- Лосев А.Ф.* О бесконечной смысловой валентности языкового знака / А.Ф. Лосев // Знак. Символ. Миф. М., 1982.
- Лурия А.Р.* Речь и мышление / А.Р. Лурия. М., 1973.
- Орлов В.В.* Материя, развитие, человек / В.В. Орлов. Пермь, 1974.
- Портнов А.Н.* Язык и сознание / А.Н. Портнов. Иваново, 1994.
- Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории / Б.Ф. Поршнев. М., 1978.

- Серебренников Б.А.* О материалистическом подходе к явлениям языка / Б.А. Серебренников. М., 1983.
- Степанов Ю.С.* Методы и принципы современной лингвистики / Ю.С. Степанов. М., 2002.
- Стернин И.А.* Язык и мышление / И.А. Стернин. Воронеж, 2003.
- Тондл Л.* Проблемы семантики / Л. Тондл. М., 1975.